

Учился я в Литинституте имени Горького, в семинаре Михаила Светлова и Семена Липкина. Стихи писал с десяти лет, но потом, к счастью, оставил это занятие. Главное во всем — вовремя остановиться (Хочет.) Представьте, я репортерил в отделе информации "МК", жил в точном соответствии с посылкой: ноги волка кормят.

— Давид, вы, судя по всему, человек самоуверенный, если рискнули рассказать о неповторимом Бабеле. Что новое для себя в нем открыли?

— Думаю, новизна — достаточно ответственное слово применительно к литературе. Но, признаюсь, я хотел написать Бабеля не с иконописным лицом. Он ведь мог быть и хорошим, и плохим, как все мы. Меня интересовала в нем попытка еврея ассимилироваться в иноязычной среде, Корни его творчества уходят в Библию.

— Вам, очевидно, пришлось перелопатить огромный архивный материал о Бабеле?

— Пробкой от бочки, которая называется "Бабель", стали его дневники 21-го года. Без доскональных их изучения я никогда бы не мог разгадать Бабеля и его трагической гибели, не смог бы о нем написать. Дневники сегодня изданы без купюр — и отдельно, и в двухтомнике. Бабелевские дневниковые заметки сохранили его дыхание — ровное и сбивчивое. В этом вся прелесть! Считаю, он писатель-сказочник, а никакой не реалист. Все попытки его "реализовать" приводили к неудачам на сцене. Жизнь сказочника отличается от полного реалиста.

— Как реальный, живой Бабель воспринимал женщину в быту?

— Он был человек увлекающийся и любопытный. И очень любил женщин. И было их у него много.

— Соглашусь с вами: в вашем романе виден живой Бабель. Вы это хорошо и романтично сделали. Как ваша рукопись оказалась в Москве — по почте прислали?

— Рукопись увез Гриша Горин... И вдруг пришло тяжелое известие — что Гриша умер. И я подумал: рукопись, наверное, где-нибудь затерялась. У меня очень слабые административные способности, поэтому я стал заниматься другим... Но, оказывается, мой друг, поэт Леонид Завальнюк, по просьбе вдовы Горина Любови Павловны передал рукопись в журнал "Октябрь". И здесь были ко

Его отец, писатель Перец Маркиш, был арестован по процессу еврейского антифашистского комитета и за 10 дней до смерти Сталина расстрелян вместе с другими писателями и деятелями культуры. А было их около 20 человек. Вся семья писателя была выслана. Когда закончился срок, ссыльным грозил 101-й километр, но удалось все-таки вернуться в Москву. Ныне Давид живет в Израиле. В журнале "Октябрь" (№№1,2) он опубликовал роман о Бабеле "Стать Лютовым". Недавно Давид побывал в Москве. Нам удалось поговорить, и не только о романе.

НАТАН КАЙОМАН

**Давид Маркиш:
"Бабель очень любил
женщин"**

МОСК. КАНСАМОС
2001-9 МАЯ
С. 7. **КУДА
ДЕВАЛАСЬ**

СУЛАМИФЬ?

мне добры и внимательны.

— Давид, вы называете Бабеля русско-еврейским писателем. Хочется узнать, что для вас для всех значит Библия?

— Единственное, что всех нас объединяет — в Израиле и в мировой диаспоре, — это Библия. В ней наше прошлое. Все мы, еврейские писатели, вышли из Библии, как русские — из гоголевской "Шинели". Меня, например, очень интересует: что случилось с библейской Суламифью из "Песни песней"? Куда она подевалась? В книге "Песнь песней" Соломона она предстала 16-летней. У нее были округлые ноздри и розовые пятки.

Вся мировая лирическая поэзия вышла из "Песни песней". Стихи о Суламифи возвышенны и чувственны: "О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дщерь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника"; и так далее.

— Ее любил царь Соломон. Куда же она потом делась? Ни слова об этом в Библии и в каком-то другом произведении. Есть различные толкования. Но у писателей возможна до определенной степени игра с Богом. Я хочу видеть в этой библейской истории подлинные, жившие в те времена фигуры. Считаю, эта девушка действительно была. Был и царь Соломон. Возможно, ей пришлось отвечать на чей-то вопрос: "Что же такое царь Соломон? Мудрец?" И она могла наивно ответить: "Он плаксивый... Ему 45... Он старик — у него шести зубов не хватает".

Конечно, эти ответы могли быть произнесены уже после любви. Возможно, у нее появился другой человек. Не так ли?

— И каким он вам видится?

— Ему лет 18. Он подрядчик снов — отдает свой сон напрокат тем, кто его нанимает. И уж, конечно, все зубы у него на месте.

— Вы все это так занятно излагаете, как будто работали сторожем у библейских влюбленных.

— Сторож — замечательнейшая писательская профессия. А вообще, кто сторож или не сторож? Кто ответит? В библейские времена была другая цивилизация. Но ясно же, вот этот молодой человек значительно больше подходит Суламифи, чем царь Соломон. И снова спрашиваю: куда она потом делась? И где дети? И были ли они?... Все расписано в Библии, кто кого родил. А про эту связь не сообщается — кого родил Соломон. Ведь в древнюю эпоху женщина без детей — бесплодная смоковница. Неприятная история.

— Мне показалось, вы намеками и нежными касаниями дегустируете новую тему и уже застолбили ее?

— Это не единственная перспективная тема. Есть еще: имеем ли мы право на осмысливание древних еврейских сюжетов. Уверен, будут разные суждения по этому поводу. Отвечу определенно — имеем право. Приведу достаточно мощный пример. Томас Манн. Как-то я спросил у израильского писателя: "Читал ли ты роман "Иосиф и его братья"? — "Не читал", — сказал он. "Почему?" — спросил я. "Зачем? Я знаю первоисточник — 25 страниц Библии. Поэтому тетралогии знать не обязательно".

И я принимаю точку зрения этого писателя. Но у меня свой взгляд.

— Давид, если мы сейчас коснемся истории Иосифа и его братьев, то нам с вами придется далеко уйти от вашего романа "Стать Лютовым". Лучше поговорим о его герое Иуде Гросмане, принявшем псевдоним Кирилл Лютов. Увлечательна ваша тенденция рассмотреть сложность выбора, перед которым стоял Иуда Гросман и, очевидно, сам Бабель. Между естественным движением сердца — заступиться за старика, которому, как гусю, повернули шею, чтобы отрубить голову, и тем, к чему толкает инстинкт профессионального писателя, — увидеть и свидетельствовать, чтобы ничего не упустить и потом описать.

— ...Да, герой Бабеля не бросается защититься, не пытается несчастного спасти. Смотрит и пишет, как рисует по стеклу, точно и навечно. Я слышал много нападок, наездов на Бабеля. Да, Бабель слышал и видел ужас и не морщился. Наблюдал!

— Вы отстаиваете право писателя, как личности, на нравственную вседозволенность?

— Ответ найдете в Иосифе Флавии. С точки зрения еврейства тех стародавних времен, он предатель. Он предал своих соратников по оружию — сдал крепость, сдался в плен римлянам, просил пощады, а тех, оставшихся в живых, перебили... А он приполз просить прощения. И потом все это историограф Флавий описал, а в автобиографической книге "Жизнь" сделал попытку самооправдания. Древнеиудейский историограф Иосиф создал бесценные вещи, без них мы бы не знали ничего об иудейской войне и о раннем христианстве.

Вот он, вопрос вопросов: стоило предавать ради того, чтобы мы сегодня узнали об этом? А был ли это грех? Отмолил ли Флавий его?

— Тогда что же такое грех?

— Начнем с самого первого. Был ли вообще первородный грех? И был ли змей? Искусал ли он Адама и Еву? А может, Ева это яблоко просто надкусила и позвала дремавшего Адама откусить и мир посмотреть?

Да, сколько греховных вопросов ставит русско-еврейский писатель Давид Маркиш. Беспощадный аналитик, он влезает в их гушу и, подобно Бабелю, вглядывается в их жизнь, в ближайшую и разную сегодня остроту и веселого человека.

Наталья ДАРДЫКИНА.